

К ВОПРОСУ О МНОГОСЛОЙНОЙ СЕМАНТИКЕ КВАЗИСИМВОЛА

Г.В. Токарев

*Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка
e-mail: grig72@mail.ru*

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008)

Статья посвящена рассмотрению плана содержания символа. Выяснено, что специфика семантической структуры квазисимвола обусловлена его вербальной природой и особым культурным статусом данной единицы. Установлено, что план содержания квазисимвола характеризуется вариативностью, открытостью, динамичностью. Определено, что семантика квазисимвола калейдоскопична: реализация значения зависит от культурно-коммуникативной ситуации, символ допускает различные интерпретации. Доказано, что в семантической структуре квазисимвола невозможно выделить прямое и переносное значения. В основе плана содержания квазисимвола лежит семантический инвариант, представленный образным основанием. Обосновано, что образование квазисимвола осуществляется на основе культурно маркированных знаний, традиций, особенностей уклада материальной жизни, преимущественно используются универсальные модели переноса по смежности и сходству. Перенос по сходству имеет большую продуктивность.

Ключевые слова: *язык, культура, значение, образ, полисемия, интерпретация, символ, квазисимвол.*

Хотя изучение символа началось ещё в глубокой древности, исследование данной единицы не утрачивает актуальности. Во многом это объясняется сложностью семантики и прагматики символа. Символ относится к числу междисциплинарных категорий. В лингвистике существуют тенденции отождествления понятий «знак», «символ», «языковая единица». Под влиянием семиотического подхода знак и символ рассматриваются в гиперо-гипонимических координатах. Переход в антропоцентрическую парадигму потребовал от учёных дифференцировать данные понятия. В ряде работ предпринята попытка разграничить знак и символ. В частности, этому способствовало лингвокультурологическое направление, во главе которого в отечественном языкознании стояла В.Н. Телия [Телия 1996]. К наиболее существенным отличиям этих явлений исследователи относят ориентированность знака на конкретную коммуникативную ситуацию и

отвлечённый, обобщённый характер символа [Арутюнова 1999: 342–343], семантическую многоаспектность символа и конкретность знака [Рубцов 1991: 36–38]. В культурологической традиции символ рассматривается как единица, отражающая разнообразные культурные смыслы: концепты, представления, наивные понятия, культурные установки, стереотипы и др., свойственные тем или иным типам культуры: религиозным, этническим, территориальным, социальным и др. Данная трактовка символа была принята лингвокультурологией. Для лингвокультурологов оказалось важным подчеркнуть материальную специфику символа, отличив её от других форм его выражения. На этом основании стали использоваться новые термины: вербальные символы, культурно-языковые символы, дискурсивные символы (Рубцов), квазисимволы (Телия). Квазисимволы выполняют те же функции, что и символы, созданные из других видов материи, однако вербальная природа символа предопределяет его семантико-прагматическую специфику.

Среди семантических особенностей символа называют его смысловую многогранность. Семантическая структура символа тяготеет к полисемии. Подчёркивая особую семантическую природу символа, учёные предлагают использовать не лингвистическую, а когнитивную терминологию, в частности, понятие многослойности семантики. С.С. Аверинцев отмечает, что «многослойность» (не многозначность) открывается «работающему» сознанию; она, как он утверждает, «рассчитана на активную внутреннюю работу воспринимающего. Смысл символа объективно отождествляет себя не как наличность, но как динамическая тенденция; он не дан, а задан. Этот смысл, строго говоря, нельзя разъяснить, сведя к однозначной логической формуле, а можно лишь пояснить, соотнося его с дальнейшими символическими сцеплениями, которые подведут к большей рациональной ясности, но не достигнут чистых понятий» [Аверинцев 1971: 607].

Таким образом, семантическая структура символа не фиксирована, открыта, динамична.

Затруднительно определить число значений (семантических пластов) символа. Н.Н. Рубцов отмечает ещё одну черту семантической структуры символа – потенциальность, то есть готовность символа в той или иной культурно-коммуникативной ситуации реализовывать своё значение: «Символ – это всегда открытый образ, его смысл никогда не сводим к одному определённом значению, он всегда веер возможностей, смысловых перспектив. Этот веер потенциальных возможностей символа нередко парадоксальным образом связывает противоположности: один и тот же символ в зависимости от ситуации меняет лики – начинает представлять совершенно различные по своей природе явления» [Рубцов 1991: 43].

Для семантики данной единицы характерна потенциальная интерпретируемость, под которой мы понимаем неисчерпаемость прочтений значений символа разными интерпретаторами. Семантическая структура символа характеризуется равнозначностью семантических пластов, отсутствием прямого и переносного значения.

Семантика символа, с одной стороны, определяется содержанием образного основания, с другой – контекстом. При этом контекст играет ведущую роль: проявление семантики символа осуществляется в той или иной культурно-прагматической ситуации. Образ является семантическим ядром символа. Г.В. Зубко характеризует его как ««заряженную» структуру, обладающую неким энергетическим зарядом, порождающим бесконечные, все новые и новые смысловые построения» [Зубко 2010: 52]. Исследователь отмечает следующую важную функцию ядра интегрировать разные знания: «В сущности, в ядре символа заключена исходная смысловая структура, генетически связанная со знаком, рассматриваемым в том смысле, как это излагалось выше. Это ядро характеризуется некоторыми очень важными свойствами, указывающими прежде всего на то, что в нем, в ядре, соединяется необъединимое. Символ, как уже многократно говорилось, связан с членением, дроблением смысла, вместе с тем символ – это никуда не исчезающий смысловой синтез: единичные смыслы соединены здесь в единое целое. Цельность и синтетичность присущи ядру символа. Эти его свойства восходят к «перводействиям», в процессе которых имело место разъединение, расчленение, разъятие исходного Единого, переход к расчлененной множественности форм, при сохранении «скреп», обеспечивающих сохранение изначального Единства. Итак, символ – это единое-множественное, или иначе – единораздельная цельность» [Зубко 2010: 61]. Ядро символа выступает в качестве семантического инварианта. Значения символа Г.В. Зубко предлагает отнести к периферии. Появление новых значений связано с новым прочтением образа. Г.В. Зубко отмечает: «...ядро символа – его «вечная составляющая», которая никуда не уходит; она постоянно присутствует в символе, составляя его главный смысл. Вместе с тем в ядре скрыты возможности варьирования смысла, что проявляется во «взаимодействии» ядра с периферией. Периферия – это зона модификации смысла. ... Периферия с ее постоянными процессами смысловых вариаций обеспечивает приспособление, адаптацию «вечного смысла» ядра символа к реальности Мира конечных форм. ... Появляющиеся в зоне периферии новые смысловые компоненты сохраняют тем не менее синтетичность, присущую ядру символа. Эволюция символа, в результате которой происходит «обволакивание» его новыми смысловыми «пеленами», все более и более усложняет содержание символа; степень его «расшифровки» зависит от знания человека, воспринимающего символ [Зубко 2010: 62].

Н.Н. Рубцов упоминает мысли Псевдо-Дионисия, выделявшего два вида образности: подобную и неподобную. «Неподобная образность построена на принципе нарушения закона аналогии с материальными формами. Неподобная образность удивляет человека» [Рубцов 1991: 10–11]. Анализ образных оснований квазисимвола указывает на то, что большинство из них характеризуется подобной образностью: ГОРЛО символизирует пьянство, ГОРЫ – трудности, ГРОБ – смерть, ГРОЗА – угрозу, ГРОШ – средства к существованию, ГРУДЬ – жизнь, ГУБА – желание, ДВЕРЬ – новое, ДНО – бедность, ДОРОГА – жизнь. Примеров неподобной образности значительно меньше: ПЯТОЕ КОЛЕСО В ТЕЛЕГЕ, ЕЖОВЫЕ РУКАВИЦЫ и др.

Детерминированность значения квазисимвола образным основанием свидетельствует о произвольном характере его семантики. М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский отмечают: «...символ абсолютно произволен в отношении структуры сознания, с которой он соотносится...» [Мамардашвили, Пятигорский 1997: 149].

План выражения квазисимвола может совпадать с номинацией символов, созданных из других видов материи. В этом случае семантика символов может совпадать: например, КОЛЬЦО – символ брака, но может и различаться: например, ЗЕРКАЛО: как артефакт имеет символическое значение связи с потусторонним миром, а как квазисимвол – отражения чего-либо. Вербальная сторона квазисимвола способствует продуцированию значений. К. Маркс отмечал: «Символ ставит известные условия тому материалу, в котором он представлен» [Маркс 1954: 87].

Требуется верификации гипотеза о том, что квазисимволы могут иметь больше значений в сравнении с другими символами-артефактами и натурфактами.

Среди символов можно выделить единицы, имеющие одно значение: ЧАША – символ полноты жизни, и несколько значений: ДВОР – символ дома, дела, своего. При этом следует заметить, что число однозначных символов невелико. М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский отмечают: «...в своей натурной вещности никакой символ не может прямо соотноситься с одной данной конкретной содержательностью (или структурой) сознания» [Мамардашвили, Пятигорский 1997: 144].

Очевидно, что среди семем, например, квазисимвола ДОМ ‘семья, родина, заботы, обязанности, место’ сложно выделить первообразное значение.

Феноменальность квазисимвола заключается в том, что новые значения могут проявляться в новых контекстах. Можно говорить о калейдоскопичности семантики квазисимвола. Новая ситуация способствует новой конфигурации смыслов. Г.В. Зубко по этому поводу замечает: «Символ же связан с развитием смысла, его «упаковыванием» в

некую структуру; он весь в сфере смысловых «узоров», смысловых сплетений и конфигураций» [Зубко 2010: 46].

Г.В. Зубко указывает на следующие законы развития семантики символа: «ротация, т.е. круговое или вращательное движение (в двух противоположных направлениях по спирали); бифуркация – раздвоение, деление, разветвление смысла; развитие по принципу кластера (образование пучка близких смысловых компонентов); развитие-изменение по принципу ассоциации (смежности, сходству, контакту и т.п.); взаимодействие противоположностей; взаимопревращение и взаимопереход; принципы отталкивания и притяжения, принцип редупликации и принцип избыточности, принцип пересечения-контакта и пр.» [Зубко 2010: 126]. Анализируя семантику квазисимволов, мы установили, что при образовании значений работают универсальные модели переноса по смежности и сходству.

Так, значения квазисимволов: АВОСЬКА ‘хозяйственность, обыденность, беднота’; АЛТАРЬ ‘жертвенность’; БАРАБАН ‘дисциплина, строгость’; БИЧ ‘наказание’, БОЛОТО ‘застой’; БИЛЕТ ‘образ жизни, способ жизни, судьба’; БЕРЕГ ‘место обитания’ – сформированы на основе смежности с образом. При образовании этих значений включается импликационная когнитивная матрица: если БРЮХО, то символ материальной природы, физических потребностей, дармоедства, лени; если ВИНО, то символ пьянства, зла; если ВТОРОЙ, то символ запасного, нового, дополнительного, нехорошего, несвежего; если ГАЙКА, то символ крепости; если ГАЛСТУК, то символ официальности; если ГВОЗДЬ, то символ основы, главенства; если ГЛАЗ, то символ заботы, внимания; если ГЛОТКА, то символ пьянства, крика.

Здесь же нужно отметить модели расширения символического употребления образа. Ситуация, когда человек наступает на грабли, расширяется и обозначает уже возмездие за беспечность, невнимательность, непредусмотрительность. Ситуация прилипания первого блина к сковороде обозначает неудачное начало дела.

Более продуктивен по причине высокого индекса креативности символа перенос, основанный на сходстве: БАЗАР – символ неразберихи, БАНЯ – физического напряжения, БОМБА – неожиданного, нового, ВОДОВОРОТ – жизненных трудностей, ГНЕЗДО – дома.

Возможны и другие способы формирования символа, связанные с различными видами языковой игры, например, аллюзией: АБЗАЦ – символ плохого, конца.

Формирование символа осуществляется на культурно-когнитивной основе, то есть на основе культурно маркированных знаний, традиций, особенностей уклада материальной жизни. Например, БЕЛЫЙ в русской культуре, как и других европейских культурах, связывается с

представлениями о чистоте, непорочности, БОРОДА – с традицией ношения бороды зрелыми, умудрёнными опытом мужчинами.

Таким образом, план содержания квазисимвола характеризуется смысловой многогранностью. Специфика семантической структуры квазисимвола, с одной стороны, обусловлена его вербальной природой, с другой – особым культурным статусом данной единицы. План содержания характеризуется вариативностью, открытостью, динамичностью. Ему свойственна потенциальность, сущность которой заключается в калейдоскопичности семантики, в возможности реализации того или иного значения в определённом контексте и в допустимости различных интерпретаций данного значения. В семантической структуре квазисимвола невозможно выделить прямое и переносное значения. В основе плана содержания квазисимвола лежит семантический инвариант, представленный образным основанием.

Образование квазисимвола осуществляется на основе культурно маркированных знаний, традиций, особенностей уклада материальной жизни, преимущественно используются универсальные модели переноса по смежности и сходству. Перенос по сходству имеет большую продуктивность.

Библиографический список

Аверинцев С.С. Символ // Краткая литературная энциклопедия. В 9 т. Т. 5 / под ред. А.А. Суркова. М.: Сов. энцикл., 1971. С. 826–831.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 896 с.

Зубко Г.В. Древний символ: истоки, смысловая структура, эволюция. М.: Университетская книга, 2010. 245 с.

Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание: метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / под общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Языки рус. культуры, 1997. 217 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 30 т. Т. 1. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1954. 699 с.

Рубцов Н.Н. Символ в искусстве и жизни: философские размышления. М.: Наука, 1991. 176 с.

Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки рус. культуры, 1996. 284 с.